

объекта метаречи. При построении невербальных метасообщений наиболее частотным является использование кинесических средств. В свою очередь среди невербальных средств, обуславливающих появление уточняющих их речевых метакоммуникативных действий, наряду с кинесическими широко используются также фонационные средства.

А. А. Шарейко

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛАВЯНСКОГО ФИТОМОРФНОГО КОДА ПО ИТОГАМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Данные трех родственных языков – белорусского, польского и русского – показывают, что фитоморфизмы характеризуются существенным метафорическим единообразием, значительной долей пересечения образов. Это свидетельствует не только об общности исторических корней рассматриваемых этнокультур, их взаимодействии, но и об общности психических законов восприятия действительности у разных народов, о тесной связи языка с действительностью. Фитоморфизм расширяет смысловую структуру слова, т.к. он, как и любая метафора в целом, основан на дополнительных представлениях и смысловых ассоциациях слова, входящих в эту структуру составным компонентом (И. И. Сукаленко).

Принято считать, что ассоциативный эксперимент является одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики, поскольку позволяет выявить, каковы те ментальные образы мира, которые присущи представителям того или иного этноса. В связи со сказанным, ценно то, что ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, вскрывающего объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обозначить как «специфические черты менталитета» (С. В. Архипова).

Проведение именно ассоциативного эксперимента позволяет зафиксировать подобия и различия в представлениях, что впоследствии содействует получению данных, возможности анализа и выводов о языковой картине мира определенного народа. Задачей проведенных нами ассоциативных экспериментов стало выявление у белорусов и поляков ассоциаций, связанных с названиями растений, так или иначе характеризующих человека, и последующее сравнение полученных результатов. Фактически же, проводя свое исследование с белорусами и поляками, мы нацеливались на три языка, учитывая билингвизм жителей Беларуси.

В экспериментах участвовали 200 русскоязычных белорусов, 200 белорусскоязычных белорусов и 200 поляков. В большинстве своем реципиентами были студенты-филологи, магистранты, а также преподаватели, программисты, математики, биологи, менеджеры, инженеры, экономисты,

юристы, журналисты, работники администрации, мерчендайзеры, врачи, переводчики, библиотекарь, химики, логисты, музыканты, бармен, фотографы, полировщик, флорист, реставратор, строитель, музыканты, уборщица, кассир, логисты, фермер, пенсионер, инспектор, ученики старших классов школ.

Опрашиваемым предоставляли Google-анкету, где каждому участнику предлагалось вписать название растения, которым можно было бы назвать человека с определенной признаковой характеристикой. Для этого был предложен список следующих атрибутивных характеристик человека: упрямый, красивый, глупый, сильный, высокий, некрасивый, нежный, невзрачный, молодой, старый, простофиля, привлекательный, мудрый, гордый. Выбор этих слов обусловлен частотностью их использования при характеристике человека (физическое состояние, возраст, ум, черты характера, внешность). Слова предполагают положительную оценку – красота, ум, сила, отрицательную – упрямство, невзрачность, рассеянность, глупость и нейтральную оценку – молодость, старость, рост человека (хотя при определенных обстоятельствах качества последней группы могут войти в любую из двух предыдущих групп). Затем была проведена статистическая, частотная, качественная и квалификационная оценка полученных ответов.

Несмотря на то, что требовалось вписать название растения (овощей, фруктов, деревьев, цветов и т.д.), у части реципиентов ассоциации появлялись не всегда, что тоже является определенным показателем: у этой группы людей по каким-то причинам данные атрибутивные характеристики не вызвали ассоциаций с растениями. Также хотелось бы обратить внимание на то, что некоторые опрашиваемые преимущественно в польской аудитории вписали названия животных, а не растений: возможно, это говорит о том, что зооморфный код для носителей языка является более активным, естественным и в их сознании доминирует над фитоморфным даже в условиях конкретной заданности психолингвистического эксперимента.

Результаты психолингвистического эксперимента показывают, что уместно говорить о понятии *ассоциативной универсалии* в лексическом ассоциировании носителей славянских языков. К таким универсалиям мы относим как общие направления фитоассоциирования, так и появление многих фитоморфических реакций (к примеру, *роза/ружа/róża* на стимул гордый, реакций *роза/ружа/róża* и *лилия/лілія/lilia* на стимул красивый, реакций *дуб/дуб/dąb* на стимулы сильный, мудрый, старый и др.).

Такие реакции составляют основу ассоциативной типологии растений в исследуемых языках.

Вместе с тем национальная специфика ассоциирования также обнаруживает себя: это проявляется в присущих лишь одной культуре направлениях ассоциирования и в появлении специфических реакций, к примеру: на стимул гордый большинство русскоязычной аудитории дало ответ *тыква*, белорусскоязычной – *лонух*, польскоязычной – *kapusta*. Также различные реакции мы видим на стимул нежный: *лилия* (в ответах на русском языке),

валошка (в ответах на белорусском языке), *róža* (в ответах на белорусском языке). Стимул некрасивый также ассоциируется по-разному в русском, белорусском и польском языках соответственно: *кактус, лопух, ziemniak* (картофель).

Если говорить о частоте встречаемости фитоморфизмов, то у наших соотечественников, говорящих на русском языке, на первом месте оказался *дуб* – 165 раз, затем следуют *роза* – 131, *сосна* – 55. В ответах белорусскоязычной аудитории лидирующее место у дуба – 129 раз, далее располагаются *роза* (83) и *береза* (51). У поляков первая тройка фитонимов оказалась следующей: *роза* – 181 раз, *дуб* – 146, *картофель* – 62.

У части реципиентов не возникло ассоциаций с названиями растений на предложенные стимулы. Некоторые, казалось бы, общепринятые фитоморфизмы (*пень, дубина* в значении «глупый») не встречаются в ответах вообще, зато появляются неожиданные *огурец, кабачок* и др. Это может объясняться, с одной стороны, некоторой искусственностью экспериментальных условий, в которые помещены участники, а с другой стороны, тем, что в реальных речевых ситуациях появление таких фитоморфизмов происходит наиболее естественно и автоматически. В этом смысле наши ожидания не оправдались.

Если, например, посмотреть на появление таких названий растений, как *чеснок, сосна, лилия, гладиолус, орхидея* на стимул гордый, то их сложно связать с представлением о гордости: во всяком случае в восточнославянских мифологиях таких параллелей не обнаружено. Очевидно, актуализация названий этих растений в связи со стимулом гордый носит характер индивидуальных ассоциативных представлений о растениях.

Каждый из нас имеет свою языковую картину мира и субъективное мироощущение, название какого растения в полной мере запечатлевает именно наше восприятие. Из этого следует, что для каждого отдельного представителя данного народа это восприятие будет отличным от его соотечественника, не говоря уже об ассоциациях иных народов, пусть даже расположенных по соседству, имеющих общую историю и схожий менталитет.